

классическими теориями права собственности, «ничего общего с владением не имеющего». То же отмечается в снижении роли *superficiis solo cedit*.

В отношении семейного права Е. Э. Липшиц со всей определенностью отмечает стремление отойти от классического понимания старинной большой семьи — термин *familia* почти исчезает: возможности освобождения от власти *pater familias* облегчаются; права женщин в завещаниях укрепляются; понятие законного брака, особенно под влиянием христианства, уточняется. Е. Э. Липшиц отмечает двойственную тенденцию в отношении к конкубинату, приведшую к признанию Юстинианом (при условии отсутствия законной жены) вполне допустимым законом сожителства с участием в завещаниях. Все непримиримые противоречия агнатических и когнатических родственных отношений разрешаются при Юстиниане, юридически законным делается только когнатическое родство. Общество сильно изменяется, прежние деления подданных империи на разные разряды после Конституции 212 г. исчезают — больше всего признается бытовое деление граждан на *honestiores* и *humiles*.

Что касается судопроизводства, то в монографии подробно исследуется его значительная бюрократизация, отказ от пережитков стипуляции и введение документального экстраординарного процесса, повышение роли судьи, отбор свидетельских показаний, значительное осложнение ведения дел. Наряду с преимуществами нового процесса, Е. Э. Липшиц отмечает и его недостатки (споргулы, коррупция).

В заключительной главе сжато излагается состояние византийского права в VII—VIII вв.: признается его упадок после гибели Бейрутской школы права и разгрома арабами школ в Египте, отмечается оттеснение Юстинианова кодекса и переход к «суммам» и новому законодательству (Земледельческий закон, Эклога и Морской закон); причем подчеркивается попытка связывать новые законы с правом Юстиниана. Тезис автора монографии о двойственности стремлений познеримского права согласовать законы с изменяющейся реальностью и в то же время оставаться на позициях традиций рабовладельческого строя прекрасно доказывается исследованием отдельных разделов права.

Не со всеми положениями книги могу согласиться. В первую очередь считаю, что период IV—VI вв. в Византии был не «переходным» к феодализму, но последним этапом рабовладельческого строя: новые институты вводились не с целью создания нового общества, а как поиски новых видов эксплуатации в условиях снижения выгоды труда рабов — для поддержания рабовладельческого господствующего класса и строя. Этим объясняется запутанность законодательства того времени. В монографии не изучаются элементы государственного права IV—VI вв., а ведь между *государством* (в ленинском понимании) и *правом* существует самая тесная диалектическая связь. Ведь государство имеет суверенную власть и над личностью и над собственностью. С этой точки зрения оказались бы понятными и государственная собственность на определенные участки земли и право конфискации собственности. Юстиниан называл себя *dominus* — не как собственник всех людей и вещей, а как суверенный правитель. *Dominium* в основном означает *власть* — это понятие и распространилось на *proprietas*.

М. Я. Сюзюмов

* * *

Новая книга Елены Эммануиловны вызовет, несомненно, широкий интерес специалистов, как византинистов, так и романистов. В советском византиноведении эта монография является первым по широте постановки проблемы обобщающим трудом, посвященным наименее исследованной области отечественной науки.

Появление исследования Е. Э. Липшиц о праве и суде в Византии IV—VIII вв. давно ожидалось византинистами: его создание явилось закономерным итогом многолетних штудий ученого, проявившего глубокий интерес к юридической проблематике уже в самом начале своей творческой биографии.

Перед исследовательницей стояла задача необычайной трудности: из огромного юридического наследия ранневизантийской эпохи выделить и систематизировать материал, позволяющий судить об основных тенденциях законодательства этого периода, установить связь этих тенденций с процессами общественно-экономического развития, вскрыть социальную сущность как тех перемен, которые сравнительно с нормами классического римского права постепенно легализировались официально законодательством, так и изменений в самом порядке судопроизводства. Автору приходилось при этом считаться с тем фактом, что рукописная традиция византийских юридических памятников изучена еще далеко недостаточно, что существующие их издания во многом не отвечают требованиям современной науки. Е. Э. Липшиц должна была в процессе работы над монографией внимательно изучить и критически оценить обширную правоведческую литературу, посвященную и общим и частным вопросам истории римского и византийского права, трактовке юридических категорий и понятий, сложившихся и в западных, и в восточных провинциях Римской империи, относящихся и к классической, и к постклассической эпохе.

Многообразие и сложность задач, которые должна была решить исследовательница, определили и специфику жанра ее труда. Такого рода труд не может быть во всех его частях в равной степени оригинальным (восстанавливая широкую многовековую

картину развития юридической науки, Е. Э. Липшиц во многом опирается на скрупулезные, частные исследования своих предшественников). Отмеченная особенность монографии ни в коей мере, однако, не умаляет, по нашему мнению, научных заслуг автора. Для достижения основных целей ее интересной и глубокой работы представлялось совершенно необходимым воссоздание общего процесса развития византийской юриспруденции, истории основных центров изучения и преподавания права, главных направлений и школ византийского правоведения, биографий и характера творчества его основных представителей. Суммировав достигнутые на этот счет результаты в современной литературе, критически оценив их и уточнив, Е. Э. Липшиц оказала значительную услугу специалистам в самых различных отраслях византиноведения. Ее монография, таким образом, является не только существенным вкладом в науку, но и полезным пособием для историков и исследователей византийской культуры и образованности.

Книга состоит из краткого вступления («От автора», введения), шести глав и заключения. Аппарат монографии включает список сокращений, представляющий использованную в работе библиографию, указатель юридических источников и предметный указатель.

Во вступлении автор формулирует свое понимание предмета исследования, поскольку традиционно прилагательный по отношению к византийскому праву термин «римское», на ее взгляд, далеко не точен: римским это право было лишь применительно к тому периоду, который является «постклассическим», и только к тем его нормам, которые были созданы в этот период не в западноевропейских, а в восточных провинциях империи (с. 3). Это уточнение имеет, как мы далее увидим, принципиальный, концепционный характер для автора, последовательно обозначающего далее исследуемое им право, начиная с IV в., термином «византийское».

Во введении (с. 5—8) Е. Э. Липшиц говорит о главных задачах своей работы, осторожно определяя предлагаемое их решение лишь как предварительное. «Настоящая работа, — пишет она, — и ставит своей задачей рассмотреть в первую очередь некоторые наиболее важные для историков Византии проблемы истории византийского частного, или гражданского, права в той мере, в какой это позволяет сделать современное состояние изучения источников» (с. 7). При этом автор подчеркивает два важных для понимания положения дел в современной историографии обстоятельства: до самого недавнего времени особенности ранневизантийского права оценивались исключительно как признаки упадка римского права; что же касается новейших заключений специалистов, усматривающих в переменах результаты переосмысления устаревающих юридических категорий и понятий, то эти свежие выводы остаются в целом и поныне не использованными в византиноведческих исследованиях.

Центр тяжести исследования Е. Э. Липшиц приходится на первые четыре главы, в особенности — на вторую и четвертую. При этом первые две и следующие две главы связаны друг с другом попарно и хронологически и композиционно: 1—2-я главы посвящены IV—V вв., 3-я и 4-я главы — VI столетию; главам 2-ой и 4-ой, в которых рассматриваются основные тенденции и направления в развитии византийского права, предшествуют главы (1-я и 3-я), в которых дается очерк состояния юридической науки в Византии в те же периоды.

Очерк развития права в Византии IV—V вв. убедительно подкрепляет защищаемый исследователем тезис, что те изменения, которые трактовались (и трактуются) лишь как вульгаризация и примитивизация норм гражданского права в это время, оказываются при внимательном рассмотрении проявлениями нового направления юридической мысли, в них кроется «определенная закономерность и определенная рациональная тенденция, отвечающая общественным и экономическим условиям IV—V вв.» (с. 21).

Преобразующаяся действительность уже не находила адекватного отражения в категориях и понятиях классического римского права, и законодатели были нередко вынуждены опираться на традиции эллинистического, на живые нормы местного, обычного права, бытовавшего у различных народов восточных провинций империи. Этот процесс все более попадал под непосредственный контроль центральной власти, выступавшей как единственный источник права при все более бюрократизирующемся государственным строе. Автор разделяет мнение, согласно которому, первый официальный свод законов (Кодекс Феодосия) позволяет установить «преобразования самой сущности римского государства в средневековое феодальное» (с. 15).

Прослеживая судьбы юридической науки в IV—V вв., автор не отрицает факта падения квалификации юристов в эту эпоху, однако показывает необоснованность нередко высказываемых в литературе преувеличений на этот счет: и в центре и в провинциях продолжали существовать юридические школы с довольно высоким уровнем преподавания.

Второй главе книги Е. Э. Липшиц («Основные тенденции в развитии гражданского права в Византии IV—V вв.» — с. 36—78) принадлежит особое место: в ней наиболее ярко отражена концепция исследовательницы о сущности общественного переворота в Византии в IV—V вв. и столь же ярко проявился «континуитет» авторских научных воззрений на этот счет, которые Е. Э. Липшиц последовательно и остроумно продолжает защищать в течение последних нескольких десятилетий.

Прежде всего она констатирует, что теоретическая разработка проблем рабства перестала занимать юристов в это время. Пути выхода из рабского состояния по закону

умножались. По-видимому, рабство теряло всякое производственное значение. Интерес к эксплуатации работ в среде господствующего класса падал. Византийское правительство отдавало предпочтение «новым, более выгодным и прогрессивным формам эксплуатации перед рабством» (с. 41).

Законодательство этой поры обнаруживает стремление более остро противопоставить не столько рабов и свободных, сколько разные категории самих свободных, сближая низшие их категории с рабами. Центр внимания законодателей перемещался с рабства на колонатов. На землях фиска (да и в частных имениях) некоторые категории колонов тракуются в официальных законоположениях как социальный слой, близкий к рабам (с. 42—43).

Государство шло по пути прикрепления колонов к земле, которую они обрабатывали. Некогда свободная аренда (хотя она и не исчезла полностью) трансформировалась теперь в крепостную зависимость. Однако, хотя закон ставил колонов в неравноправное положение с их господами, колоны обладали некоторыми правами свободных: пользовались юридической защитой, имели собственность на имущество (даже недвижимое), право на вчинение иска своим господам.

В тесной связи с пониманием сущности колонатных отношений рассматривает Е. Э. Липшиц вопрос о развитии в Византии IV—V вв. юридических понятий собственности и владения. Она выявляет глубокие перемены в это время в понятии категории собственности сравнительно с классическим римским правом, в котором оно резко противопоставлялось владению. Автор рассматривает эту трансформацию как длительный процесс, начавшийся еще до кризиса III в. (изъятие из права полной и нераздельной собственности землевладельца кладов и полезных ископаемых) и ускорившийся при Диоклетиане, который обязал собственников-римлян государственным налогом, т. е. распространил на Италию порядки, существовавшие в провинциях (римская квиритская собственность считалась несовместимой с тяготами в пользу государства, провинциальные налогоплательщики выступали поэтому лишь как владельцы имущества, собственность на которое принадлежала «императору, римскому народу») (с. 55—56).

Понятия «собственности» и «владения» становились взаимозаменяемыми; появились неведомые классическому праву виды собственности (собственность без фактического обладания; собственность, предоставленная на время; раздельная собственность, собственность на постройку на чужой земле и т. д.), как и неизвестные ранее виды владения (владение с правом наследования, даже отчуждения; владение колонов и даже рабов, пользующееся юридической защитой; владение, обретающее статус собственности в силу 30-летней давности и др.). С одной стороны, и узуфрукт, и аренда (например, на землях фиска) стали квалифицироваться как своего рода ограниченная собственность, с другой — права безусловных собственников подвергались ограничениям в пользу государства.

Все эти процессы, по мнению Е. Э. Липшиц, были связаны «с расширением прав Византийского государства». Рост императорских и фискальных доменов и усиление вмешательства властей во все сферы жизни общества «играли определенную роль» в переосмыслении унаследованной Византией терминологии классического римского права.

Исследовательница настойчиво проводит мысль, что колоны имели право владения (подобно позднейшим парикам), а не только право держания: юридическое разграничение «владения» и «держания» в правовых памятниках эпохи очень неясно (с. 70—72). Социальный смысл этих наблюдений и заключений автора суммирован в следующем выводе: «В IV—V вв. совершается процесс становления форм, которые впоследствии в своем развитии виде приведут к типично феодальным формам условной и расчлененной собственности» (с. 72—73).

Рассматривая в этой же главе новые законоположения, касающиеся семейных отношений и направленные на улучшение прав жены и матери (а также детей) и ослабление былого всевластия «главы семейства», Е. Э. Липшиц полагает, что правительство стремилось «стабилизировать семью как одну из важных социальных ячеек общества, на которую могло бы опираться Византийское государство, старавшееся вместе с официальной церковью добиться всестороннего укрепления устоев строившегося нового феодального общества» (с. 47).

В центре внимания государства при уточнениях и модификациях законоположений о собственности и владении, пишет Е. Э. Липшиц, находились государственные домены. Поэтому при сдаче этих земель в аренду частным лицам, «несмотря на непривычно широкие права, которые им предоставлялись, эти лица все же оставались по отношению к собственнику — государству или императору — только владельцами. Причем частные собственники трактовались в законодательстве подобным же образом» (с. 70).

Вытеснение термина «собственность» термином «владение» легко объяснить, если трактовать этот процесс как результат распространения на Италию провинциального понятия «владение», применявшегося ранее в противоборстве распавшейся в IV—V вв. квиритской собственности (с. 69). Иначе говоря, обретение владельцами прав собственников сопровождалось одновременным ограничением самого понятия собственности: подлинным, верховным собственником всех недвижимостей в империи становилось только государство, император.

В третьей главе Е. Э. Липшиц рассматривает состояние юридической науки в VI в.

главным образом в период составления Кодекса Юстиниана. Основное внимание исследовательница уделяет при этом именно тем вопросам, вокруг которых юристы того времени вели дискуссии, поскольку «самые большие вопросы лучше всего отражают дух времени» (с. 81). Весьма важен отмеченный при этом Е. Э. Липшиц факт, что до издания так называемых «50 решений» (1 августа 530 г.) ни один из дискуссионных вопросов не относился к классическому праву — все они возникли лишь в Византии в постклассический период.

Господствовавшая ранее в литературе точка зрения, согласно которой законодательство Юстиниана рассматривалось лишь как полная реакция классицизма, должна быть теперь, по мнению автора, отброшена как упрощенческая, как недооценивающая двойственность этого законодательства: с одной стороны — возврат к элементам классической юриспруденции, с другой — решение в постклассическом духе актуальных, подсказанных практикой проблем VI в. Нередко ссылки в Кодексе на классическое право — лишь дань традиции, попытки апелляции к авторитету, служащие только «прикрытием» отнюдь не классического решения вопроса. Не случайно в Институциях настоятельно подчеркивается, что нового, сравнительно с классическим правом, внесено в законодательство Юстиниана I (с. 91).

Прослеживая основные направления в законодательстве VI в. (этому посвящена четвертая, самая обширная глава монографии: с. 112—171), Е. Э. Липшиц останавливается главным образом на тех же проблемах, которые рассматривались ею во второй главе (рабство, колонат, категории собственности и владения).

Несмотря на явную тенденцию восстановить традиционно римские юридические категории, утраченные в IV—V вв., на взгляд автора, было бы преувеличением полагать, «что весь пройденный путь за два предшествующих столетия был начисто забыт» (с. 153). Причем исследовательница считает, что проводниками «новых» идей были в этот период скорее «именно не столичная и Бейрутская школы», а юридические центры других провинциальных городов (с. 113).

По отношению к рабству законодательство Юстиниана не внесло, как полагает автор, ничего существенно нового. Более того, положение рабов было облегчено еще более, пути выхода из рабского состояния увеличились, вольноотпущенники сразу обретали права свободных по рождению. «Создается впечатление, — пишет Е. Э. Липшиц, — что законодатели не были по тем или по иным причинам заинтересованы в расширении этой формы эксплуатации» (с. 121).

Особый интерес в этой главе автор проявляет к проблеме колоната VI столетия, которая в отличие от колоната IV—V вв. значительно менее изучена.

В VI в. происходили глубокие изменения в положении колонов, и законодательство уделяло колонату значительно больше внимания, чем рабству. Неравноправие колонов в их обязательственных отношениях с господами находит официальное закрепление в праве, что, как выразилась исследовательница несколько ранее, знаменовало типичные для начинающегося средневековья отношения господства и подчинения (с. 77).

Прогрессировал процесс прикрепления колонов к земле. Энапографы (адскрипции) фактически отличались от рабов лишь тем, что их нельзя было отчуждать без земли (с. 133). Независимо от того, где и сколько времени жили дети колонов, занимались или не занимались сельскохозяйственными трудами, права господина на них объявлялись неколебимыми. «Таким образом, — пишет Е. Э. Липшиц, — было обеспечено и поступление оброков и повинностей господину и Византийскому государству» (с. 136). Происходило закрепощение и «свободных» колонов. В отличие от рабства, пути выхода из колоната все более сужались. Колонат стал наследственным. «Колонат VI в., — резюмирует исследовательница, — по своему юридическому статусу очень близок к парикии последующего времени, известной преимущественно по актовым материалам IX—XV вв.» (с. 147).

В отношении категорий «владение» и «собственность» Е. Э. Липшиц констатирует немало новых черт и отличий сравнительно и с классическим правом, и с правом предшествующего периода, однако в целом и в этой сфере господствующей осталась тенденция, характерная для IV—V столетий: содержание этих понятий все-таки осталось иным, чем то, что под ними понимали классические юристы.

Внимательно изучает Е. Э. Липшиц также изменения в наследственном, семейном и в других сферах гражданского права, констатируя, что практически нет ни одной его области, в которой в ранневизантийский период не произошло бы существенных отклонений от классических правовых норм. Был замечен «явный крен в сторону эллинистической традиции», предпочтению в спорных вопросах отдавалось греческому праву (с. 156, 168).

Проблемы византийского гражданского судопроизводства в IV—VI вв. рассмотрены не только в специальной (пятой) главе, но многократно затронуты и в предшествующих главах, что, может быть, с композиционной точки зрения является известным упущением.

Наблюдения автора по этим проблемам тем более интересны и важны, что со времени работ Сахария Лингенталья попыток представить обобщенную картину системы судопроизводства в Византии не предпринималось. Отправляясь от судебно-правовых реформ Диоклетиана, Е. Э. Липшиц устанавливает 12 характерных черт гражданского процесса и судопроизводства, которые были результатом перелома в этой сфере и обозначались в IV—VI вв. Основная линия при этом заключалась в возрастающем

стремлении императорской власти к усилению своего вмешательства и контроля над судебными установлениями, в бюрократизации судопроизводства, в утверждении принципа неравенства перед судом тяжущихся сторон и свидетелей в зависимости от их социального статуса.

Весьма любопытным в социально-психологическом отношении является отмечаемое автором обстоятельство, что для византийского юриста этой эпохи при определении степени ответственности лица более важным представлялся не объективный результат его деяния, а внутренние мотивы поступка (с. 162—163). С III в. в византийском праве был провозглашен в качестве определяющего принцип справедливости (что, несомненно, как отмечает автор, было «шагом вперед»), однако практически единственным гарантом соблюдения этого принципа в суде была лишь «совесть» судьи, часто невежественного и подкупного (с. 167—168).

В последней шестой главе монографии новых выводов значительно меньше: в ней автором в основном систематизированы и уточнены его положения, высказанные (с прямыми ссылками на них) в более ранних работах относительно, главным образом, таких законодательных памятников, как «Эклога» и «Земледельческий закон». Однако присутствие этой главы в книге Е. Э. Липшиц с точки зрения ее концепции вполне оправдано и необходимо: Эклога и Земледельческий закон не открывают собою нового периода в развитии византийского права. Хотя Эклога и ставила реформаторские цели, она в целом лишь развила и изменила отдельные нормы законодательства Юстиниана, оставшись в русле приспособления его к нуждам практики; Земледельческий же закон, хотя и составлен в 20-х годах VIII в., принадлежит скорее предшествующему столетию и лишь заполняет ту лауну (о свободных крестьянских общинах), которая имелась в Юстиниановом законодательстве. Начинать новый этап в развитии юриспруденции в Византии следует, по мнению автора, с «Прохирона» (с. 206).

Таковы в самом суммарном и кратком изложении основные выводы нового глубокого исследования Е. Э. Липшиц.

Мы уже отмечали выше вскользь, что автор и в этой своей работе продолжает отстаивать свои прежние взгляды на сущность социально-экономических и общественно-политических процессов, совершавшихся в Византии в IV—VIII вв. Все основные заключения, которые эту концепцию отражают, подчеркнуты нами выше специально. Это: становление уже в IV—V вв. средневекового раннефеодального государства — Византии (автор не употребляет термина Позднеримская империя); крушение рабства и утрата им всякой производственной роли в это время; упрочение крупного землевладения, основанного на новых, более прогрессивных методах эксплуатации; оформление колоната как типично средневековой, феодальной формы зависимости; расчленение собственности и ее сближение с владением; утверждение верховной государственной собственности на все земли империи (черты «восточного» типа феодализма) и т. д.

Однако исследовательница в своей новой монографии отнюдь не просто повторяет свои прежние выводы. Она, во-первых, значительно расширила базу для обоснования своей концепции, используя и интерпретировав обширный материал законодательных памятников IV—VI столетий. Во-вторых, она несколько смягчила категоричность некоторых своих прежних формулировок, проявляя при этом гораздо большую осторожность. Ср., например, суждение, высказанное автором в 1961 г. («в IV в. в Византии феодальный способ производства захватывает *ключевые позиции* как в городе, так и в деревне»¹, с выводом в рецензируемой монографии о том, что в IV—V вв. лишь протекал процесс, становления форм собственности, которые «*впоследствии в своем развитии*» приведут к типично феодальным формам. Ср. также высказывание Е. Э. Липшиц в ответе на рецензию А. П. Каждана («я подчеркнула бы сейчас с еще большей решительностью тезис о том, что термин «парик» в IX в. в первую очередь был *равнозначен* колонату, энапографу»)² с цитированным выше положением о том, что колонат «очень близок к парикии *последующего времени*».

Мы не разделяем концепцию Е. Э. Липшиц в силу причин, давно и исчерпывающе изложенных ее оппонентами³. Вряд ли было бы целесообразно возвращаться здесь ко всем спорным проблемам, не добавив решающих аргументов к уже приведенным. Мы не считаем, что в новой монографии автору удалось полностью преодолеть высказанные некогда возражения по поводу ее концепции. Но мы полагаем, что новая система доказательств, развитая исследовательницей в рецензируемой работе, значительно укрепила некоторые из ее прежних ответственных положений. Так, по нашему мнению, Е. Э. Липшиц, по-видимому, права, отстаивая тезис о сохранении и развитии крупного землевладения в IV—VI вв.; о возникновении в недрах позднеримского общества тенденций к формированию нового, феодального способа производства, отразившихся в совершающейся исподволь коренной перестройке самых различных институтов византийского общества, в частности — в глубоком переосмыслении категорий собственности и владения; о существенной перестройке структуры государственной власти.

¹ Е. Э. Липшиц. Очерки истории Византийского общества и культуры. Л. 1966, с. 15. Курсив наш.

² Е. Э. Липшиц. Некоторые вопросы истории Византии VIII—первой половины IX в. (Ответ рецензенту). — ВВ, 26, 1965, с. 257.

³ См. об этом: Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 83—86, 171—172, 177—178.

и т. д. Нам представляется, что исследователям, преуменьшающим значение социально-общественных сдвигов, происшедших в IV—VI вв., и относящим эпоху «решающей ломки» старой общественной системы в Византии лишь к VII—VIII столетиям, придется всерьез считаться с приведенными заключениями Е. Э. Липшиц, внося определенные коррективы в свои воззрения.

Наши сомнения в справедливости отдельных положений книги Е. Э. Липшиц связаны с трактовкой ею социальной роли государства в процессах перестройки, отраженных в новых нормах законодательства. Нам представляется, что автор избежала определенного и четкого изложения своих взглядов на этот счет. С одной стороны, она неоднократно отмечает, что государство, преодолевая порой сопротивление землевладельцев и рабовладельцев, содействовало сокращению рабства и развитию колоната; как надстройка нового, активно формирующегося феодального базиса оно упрочивало его устои, не будучи «по тем или иным причинам» заинтересовано в сохранении и расширении рабства. С другой стороны, это же государство в эпоху его усиления при Юстиниане I ступило на путь реставрации классического права, издало «Прагматическую санкцию», возвращая рабов их господам, низвело в сущности до рабского положения колонов и на землях фиска и в частных имениях.

Нам не представляется правдоподобной идея, согласно которой именно государство в эту пору (хотя и непосредственно, как отмечает Е. Э. Липшиц) выступало в качестве носителя и двигателя прогресса.

Обладая известной независимостью от различных прослоек господствующего класса и укрепляя в целом в его интересах аппарат насилия, государство отняло у собственников право на богатства недр, обязало собственность и владение налогами; стимулировало через расширение прав арендаторов на арендуемую землю увеличение возделываемых территорий; объявляло (на основе давности фактического владения) собственниками недвижимостей даже тех, кто не притязал на эти недвижимости и не желал обладать ими; объявляло законным обладателем чужой земли того, кто возделал на ней топи и выгоны, и т. д.

Мы усматриваем во всех этих актах, как и в официальном признании нового* смыслового содержания понятий «собственность» и «владение», не меры активного действия развитию нового способа производства, а стремление приспособить к новым, стихийно слагавшимся условиям систему налогового гнета и всеобъемлющего государственного контроля. Особенно ярко чисто фискальные цели проступают в новелле Юстиниана I от 532 г.: самаритяне как иноверцы были лишены права наследования, но для самаритян-колонов закон делал исключение, причем, как прямо и заявлено в новелле, сделано это было не ради них самих, а «ради земли», ими обрабатываемой, и ради поступления с нее в казну налогов и доходов (с. 145—146).

В эпоху действия института эпіболы земельные собственники страшлись нередко не только восстановления своих законных прав на давно покинутую собственность, но и получения от государства чужих заброшенных недвижимостей. Причины этой боязни крылись в тяжести налогового бремени. «Черта — характерная для того времени», — замечает в связи с этим автор (с. 66).

Нельзя сказать, что Е. Э. Липшиц никак не оценивает мотивы действий византийского правительства, однако в целом эта проблема осталась в ее книге не разработанной до конца.

Некоторую неудовлетворенность вызывает также вскользь оброненное автором замечание о всеобщей государственной собственности на землю. К сожалению, сказано об этом важном вопросе слишком глухо, чтобы составить представление о взглядах автора на этот счет (см. с. 70).

Позволив себе эти замечания в столь специальной области, в которой такой известный советский ученый, как Е. Э. Липшиц, давно и успешно работает, мы отнюдь не хотели умалить научного значения ее нового крупного исследования. Монография Е. Э. Липшиц о праве и суде в Византии IV—VIII вв. является, несомненно, существенным вкладом в советское византиноведение, обогатившим наши представления об одном из самых сложных периодов византийской истории вообще и об истории византийского права в частности.

Г. Г. Литавин

Г. Л. Курбатов. История Византии (Историография). Л., 1975, 256 с.

Книга профессора Ленинградского университета Г. Л. Курбатова — первый в советской и зарубежной историографии труд, рассматривающий пути развития научного византиноведения от его истоков в XV в. до наших дней. Это первое учебное пособие по византиноведению для студентов университетов, созданное на основе лекционных курсов автора. Облеченная в сжатую форму, книга четко ориентирует читателя в поистине безбрежном море византистики: достаточно напомнить, что одни библиографические указатели в журналах «Byzantinische Zeitschrift» и «Byzantinoslavica» занимают ежегодно не менее 150—200 страниц убористого текста, это сотни имен и тысячи названий. Скажем заранее, что Г. Л. Курбатов в основном сумел отобрать главное, конструктивное, определяющее в науке. Он сумел показать живую нить преемственности и, вместе с тем, все то новое, что вносили поколения историков и филологов,